

Глава 6. Мастер актёрской игры

Цин Нин обрушил на Чу Вэя всю мощь своего очарования, и хотя баллы доверия не сдвинулись ни на йоту, ледяная стена между ними наконец дала трещину. Чу Вэй всё ещё не горел желанием общаться, но игнорировать «супругу» у него больше не получалось.

Пока Чу Вэй сидел к нему спиной, Цин Нин украдкой разглядывал его затылок и пытался опробовать новую функцию Цуй-цуй. Он надеялся прокрасться в мысли мужа, но эта бесполезная железка выдала системное сообщение: «Условия не соблюдены».

Какая досада!

Пришлось довольствоваться малым — проверкой настроения. Как Цин Нин и подозревал, за внешним спокойствием Чу Вэя скрывалось бушующее море. Он балансировал на грани безумия, и если оставить всё как есть, его состояние могло окончательно стать патологическим. Цин Нин решил, что пора переходить к решительным мерам и вколоть Чу Вэю «ударную дозу лекарства».

Он вжался в стену и, мелкими шажками подкравшись к Чу Вэю, прошептал:

— Чу Вэй, ты всё ещё злишься?

Чу Вэй отложил документы и одарил его мягкой улыбкой:

— Жёнушка, я вовсе не злюсь.

Его голос и жесты были безупречны. Не будь у Цин Нина под рукой детектор Цуй-цуй, он бы точно купился на эту игру. Но раз уж тот утверждает, что не злится — что ж, пусть так.

Лицо Цин Нина мгновенно просияло, а голос стал на октаву выше:

— Вот и отлично! Раз ты не злишься, давай обсудим проблему Цюй Цзинцзин.

— Зачем ты снова о ней вспоминаешь? — тон Чу Вэя был пресным, словно эта женщина для него больше не существовала.

Его реакция разительно отличалась от того, что было раньше. Цин Нин невольно заподозрил неладное: уж не приложил ли Чу Вэй руку к её исчезновению?..

— Она ведь... ещё жива? — осторожно поинтересовался он.

— Разумеется, — Чу Вэй снова уткнулся в бумаги, всем видом показывая, что тема закрыта. — Неужели ты считаешь своего мужа каким-то преступником?

Цин Нин не рискнул подтвердить его догадки и предпочёл сменить тему:

— Тогда где она? Чу Вэй, нам нужно устранить эту угрозу, иначе нам не видать покоя.

— И как ты предлагаешь её устранить? — Хотя Чу Вэй не отрывался от текста, он явно ловил каждое слово. При упоминании «устранения угрозы» в его голосе проскользнуло напряжение — он и сам до смерти хотел избавиться от этой проблемы.

— Столкнуться с ней лицом к лицу, — Цин Нин сел прямо перед ним на пол, заглядывая снизу вверх. С этого ракурса в его огромных глазах читалась искренняя решимость. — Давай вместе пойдём к ней и спросим, почему это нам нельзя быть вместе?

— Но... — Чу Вэй помедлил. — Я боюсь, что она причинит тебе боль.

— Исключено! Ей меня не достать, — Цин Нин с гордостью выпятил грудь. — Твоя жёнушка сделана из стали и бетона!

Глядя на эту непоколебимую стойкость, Чу Вэй не выдержал и прыснул. Однако он быстро перестал смеяться, нахмурился и печально вздохнул.

Цуй-цуй: «Хозяин, настроение старшего молодого господина заметно улучшилось. Вы на него сильно влияете».

Цин Нин мысленно огрызнулся: «Заткнись, я натурал».

После долгих уговоров Чу Вэй всё же согласился встретиться с Цюй Цзинцзин через пару дней и выяснить, с какой стати она запрещает им любить друг друга.

Проанализировав последние события, Цин Нин понял, что с самого начала заблуждался насчёт отношения Цзинцзин к себе. Он думал, что она в него влюблена, но теперь стало ясно — она скорее пыталась его «наставить на путь истинный».

Его догадка почти подтвердилась, оставалось лишь получить признание от самой героини. Вот только «через пару дней» Чу Вэй могло растянуться на вечность. Глядя на его поникший вид — точь-в-точь брошенный щенок — Цин Нин не решался давить на него слишком сильно.

Но, как он и предсказывал, Цюй Цзинцзин была олицетворением господствующих устоев, а потому долго ждать не заставила — она сама явилась на порог. Причём в буквальном смысле. Цин Нин и не подозревал, что Чу Вэй может быть настолько жесток к самому себе в

собственном подсознании.

Цзинцзин где-то раздобыла корзину с десятком яиц и принялась методично швырять их в дверь. Яичная жижа просачивалась сквозь щели, и оба мужчины в полном молчании созерцали эту тягучую мерзость.

В конце концов, Чу Вэй открыл дверь — бегать от неё вечно было невозможно.

Из-за того что Чу Вэй под разными предлогами не выпускал его из дома, Цин Нин впервые за несколько дней увидел мир снаружи. Они всё ещё были на ферме, просто перебрались в другой коттедж.

— Вам нельзя быть вместе! У вас нет будущего! Никто вас не благословит, даже родители проклянут! — Лицо Цюй Цзинцзин исказилось от злобы. Казалось, поступок Чу Вэя довёл её до крайней степени безумия.

Цин Нин не стал спорить. Он приказал Цуй-цуй найти нужные данные, пока Чу Вэй молча наблюдал за ним.

Не получая отпора, Цзинцзин продолжала неистовствовать в одиночку: она то срывалась на визг, то издевательски хохотала, изрыгая потоки ядовитых слов. Её тон постоянно менялся: от яростных проклятий до смиренных наставлений. Она словно вещала от лица множества людей сразу.

Просмотрев файлы, присланные Цуй-цуй, Цин Нин наконец всё понял. Цюй Цзинцзин была персонификацией догмы: «Брак возможен только между мужчиной и женщиной». Этот общественный стереотип давил на Чу Вэя, заставляя его чувствовать вину за то, что он «женился» на мужчине. Именно поэтому Цзинцзин преследовала их по пятам.

— Цзинцзин, какой бы ни была твоя точка зрения, мы с Чу Вэем не расстанемся, — раз уж маски были сорваны, Цин Нин решил бить в лоб. — У каждого своя жизнь. И что бы там ни воображало себе большинство, под каким бы давлением я ни оказался, я пойду по этому пути до конца. Я не собираюсь тебя переубеждать, но и влиять на себя не позволю.

— Ты... ты просто неисправим! — Цзинцзин швырнула яйцо ему под ноги и ткнула пальцем в лицо. — Ты ещё пожалеешь! Думаешь, можно идти против природы? Это невозможно...

Под аккомпанемент её воплей Цуй-цуй радостно доложил:

«Хозяин, баллы доверия старшего молодого господина поднялись до шести!»

Цин Нин с притворным состраданием смотрел на беснующуюся Цзинцзин, хотя внутри его распирало от возмущения: «Почему всего шесть?!»

Все подозрения Чу Вэй строились на страхе, что Цин Нин сломается под гнѐтом общественного мнения и уйдѐт. Он прятал его от Цзинцзин, как в реальности прятал бы от чужой злобы и пересудов.

Но почему после такого признания он всё ещё не доверяет ему до конца?

Цуй-цуй немного замялся, прежде чем осторожно напомнить:

«Хозяин, он всё ещё подозревает, что вы врѐте ему про невозможность родить детей».

Цин Нин: «...» Из-за этой Цзинцзин он почти забыл про этот бред.

— Вы слышите?! Мир никогда вас не примет! — надрывалась Цзинцзин. — Я никогда не признаю ваш союз...

— Чу Вэй, — Цин Нин пригладил волосы и, нахмурившись, повернулся к мужу. — Пусть её кто-нибудь уберѐт отсюда, а? Голова уже пухнет.

Чу Вэй кивнул и достал телефон. Пользуясь паузой, Цин Нин подошёл к Цуй Цзинцзин, выхватил у неё корзину и принялся по одному разбивать оставшиеся яйца прямо у её ног.

— Слушай сюда, — серьёзно начал он. — Во-первых, не считай тех, кто от тебя отличается, «изгоями». Если ты так думаешь, то проблема не в них, а в твоей ограниченности. Во-вторых, не смей навязывать свои взгляды другим. Для кого-то полынь — яд, а для кого-то — лекарство. Каждому своё. И в-третьих, хоть ты и просто «идея», сейчас ты выглядишь как человек, так что перед уходом гони деньги за яйца.

Цзинцзин застыла на месте, опешив от такой наглости. Она даже не сопротивлялась, когда подоспевшие телохранители подхватили её под руки и уволокли прочь. Видимо, ушла переосмысливать свою концепцию толерантности.

Мир снова погрузился в тишину. Чу Вэй, стоя прямо посреди яичных луж, обнял Цин Нина и ласково прошептал:

— Наша Крошка Нин-нин так красиво говорит.

«Говорю-то красиво, а баллы доверия всё равно не на максимуме!»

При мысли о том, что главной проблемой снова станет деторождение, Цин Нин почти захотел, чтобы явилась ещё парочка «стереотипов» и отвлекла этого маньяка от его навязчивых идей.

Вскоре прислуга всё вымыла до блеска. Чу Вэй затащил Цин Нина в плетёное кресло на балконе и, прижимая к себе, замурлыкал:

— Нин-нин, раз уж твои чувства к Цюй Цзинцзин были ложью, тогда...

Цин Нин отчеканил:

— Нет. Я действительно не умею рожать.

Чу Вэй обиженно надулся:

— Ты меня обманываешь. Ты просто боли боишься!

Цин Нин аж поперхнулся от возмущения:

— О, так ты, значит, в курсе, что рожать — это больно?

Чу Вэй не ответил. Он уткнулся носом в его шею, ластясь и потираясь, пока сам не распалился.

— Жёнушка, — жалобно, совсем по-детски попросил он, — поможешь мне немного?

Цин Нин одарил его самой коварной из своих улыбок:

— Ага, разбежался!

Если бы не эта сцена с Цзинцзин, Цин Нин, возможно, и впрямь поверил бы в его образ невинного щенка и уступил. Но теперь ему хотелось только одного: посмотреть, как долго этот «мастер актёрской игры» будет ломать комедию, прикидываясь пайнкой.

— Жёнушка, — Чу Вэй понял, что старые приёмы больше не работают. Он отбросил маску и спросил низким, бархатным голосом: — А какой из моих образов тебе нравится больше?

— Тот, в котором ты не ждёшь от меня потомства.

Чу Вэй усмехнулся:

— Решил поиграть со мной, жёнушка? Даже если ты так говоришь, ты всё равно родишь. Только представь: маленькая копия тебя, такой же милый карапуз...

Пока он говорил, он непринуждённо подхватил Цин Нина на руки. Цин Нин сразу понял, к чему всё клонится, и закричал так, чтобы услышали даже небеса:

— Я! ПРАВДА! НЕ! РОЖАЮ!

Чу Вэй лишь шепнул:

— Не верю.

<http://bllate.org/book/17520/1652951>